

RU

Культура эмпатии бурят как модель традиционной коммуникации и система гуманизации этноса

Анандаева Ц. Ц.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть природу эмпатии в контексте этнической культуры, особый интерес в этой связи представляет рассмотрение моделей, кодексов и институций традиционной коммуникации, а также их нравственной мотивации – народной этики. Научная новизна состоит в том, что автор предлагает новый взгляд на эмпатию как органическую составляющую этнического бытия бурят, воплощенную в стереотипных формах мышления, чувствования и поведения. Эмпатические традиции понимаются при этом как относящиеся к продуктивности и оздоровлению духовной жизни, близко стоящие поэтому к интенциям и принципам гуманистической этнологии. В результате исследования показано, что духовные накопления и их субъективные оценки конструируют и ретранслируют психическое и психологическое единство этноса, его ментальность – этнический имидж, мировоззрение и этос. Культура эмпатии как статическая часть этнического самосознания бурят в настоящее время обрела статус маркера их этнической самоидентификации.

EN

The Buryats' Culture of Empathy as Model of Traditional Communication and System of Humanising the Ethnic Group

Anandaeva Ts. Ts.

Abstract. The study aims to reveal nature of empathy in the context of ethnic culture; in this regard, it is of particular interest to consider models, codes and institutions of traditional communication, as well as their moral motivation – folk ethics. Scientific novelty of the work lies in the fact that the author proposes a fresh take on empathy as an integral component of the Buryats' ethnic life, embodied in stereotypical forms of thinking, feeling and behaviour. At the same time, empathic traditions are understood as being related to productivity and improvement of spiritual life, and, therefore, as being close to intentions and principles of humanistic ethnology. As a result of the research, it is shown that spiritual accumulations and their subjective assessments construct and recommunicate mental and psychological unity of the ethnic group, its mentality – ethnic image, worldview and ethos. Culture of empathy as a static part of the Buryats' ethnic self-consciousness has now achieved the status of a marker of their ethnic self-identification.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью определения и осмысления перспектив развития бурятского этноса в современном мире, характеризующемся неустойчивостью и неопределенностью развития. Потребность спрогнозировать направления общественной динамики бурятского этноса вызвана рядом кардинальных и взаимодополняющих тенденций: снижением качества восприятия и оценки бурятской культуры в целом, расстройством преемственности социальных практик, кризисом этнической идентичности, происходящими трансформациями в представлениях о нравственном, эстетическом качестве и гигиене повседневного мышления, общения, поведения. Трансформационные процессы происходят в самых разнообразных обстоятельствах жизни этноса, но его базовые ценности, нравственно-мировоззренческие установки, заложенные в традиционной культуре, сохраняются дольше условий, их породивших, и имеют тенденцию к инерционному действию даже в основательно трансформировавшемся этносоциуме. По этой причине значимым выступает анализ культуры эмпатии как существенной части духовного наследия бурят, важнейшего консолидирующего компонента статической части их этнического сознания, во многом определяющего современный облик этого народа.

В рамках данного исследования автором поставлены следующие задачи: во-первых, показать, что эмпатические нормы и принципы (особенно в той части, которая принадлежит традиционным формам) должны

рассматриваться в контексте целостной системы: эмпатия, культура и социум оказываются пронизанными системой обратных связей в том смысле, что культура и социум в целом вовлечены в процесс формирования эмпатии и ее гуманистического потенциала, а, в свою очередь, эмпатия во многом определяет контуры и культуры, и социума; во-вторых, исследовать некоторые наиболее яркие эмпатические элементы и комплексы бурятской культуры, которые определяли во многом специфическую духовную атмосферу повседневного общения, семейного и общественного быта бурят.

В качестве научного инструментария исследования были применены методы: 1) метод дескрипции, представляющий собой описание признаков, параметров и характеристик исследуемого социокультурного явления; 2) лингвокогнитивный метод, выявляющий иррациональную когнитивно-прагматическую основу терминов и метафор; 3) метод сравнительного анализа, позволяющий рассматривать эмпатию в историческом контексте; 4) системный метод, дающий возможность очертить предполагаемые возможности и границы культуры эмпатии.

Теоретическую базу исследования составляют психологические и философские исследования эмпатии, публикации отечественных авторов в области гуманистической этнологии – Б. Х. Бгажнокова [2-4], А. Х. Хадиковой [12], а также труды Л. Линховойна [9], Ж. Т. Тумунова [11], посвященные этнопедагогике бурят. Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях бурятской гуманистической этнологии; прикладное значение этой работы может найти отражение в разделах курсов этнопсихологии, этики.

Эмпатия как компонент традиционной соционормативной культуры бурят

Человек может осознавать проявления взаимности, взаимопомощи, дружбы, заботливого участия не только как черты практической полезности, но и как результат своих душевных сил и возможностей, внимательного отношения к людям, своего умения сострадать, понимать. Эти черты начинают доставлять человеку своеобразную бескорыстную радость, которая является основой формирования эмпатического отношения к реальности.

Автор этих строк всецело разделяет убеждение Б. Х. Бгажнокова, который полагает, что этнос «создается, существует и развивается для того, чтобы человек не чувствовал себя потерянным и брошенным в этом мире, чтобы в созданном для себя этническом пространстве у него было ощущение радости бытия и полноты жизни» [4, с. 63], и глубоко убеждена, что одной из интереснейших (к сожалению, по сей день профессионально непрочитанных) страниц бурятской гуманистической этнологии является культура эмпатии. Особенно значимы в этом смысле обычные нормы и институты эмпатического сознания и поведения в традиционной бурятской культуре. Они не просто этически весомы, что подмечено уже давно. Многие из них представляют собой законченные и оптимальные экспликации эмпатических смыслов, которые обогащаются и расцвечиваются при попытке их комментаторского пересказа на языке гуманистической этнологии.

В бурятской этике «эмпатия» может быть определена соединением понятий: эльгэ(н) (печень), эльгэ зүрхэн (печень/сердце), ханаан (переживание), нимгэн (тонкий), дулаан (теплый), зөөлэн (мягкий), хайн (хороший), анхарал (внимание, чуткость), зоболон (беспокойство), хайрлаха (оказывать расположение, относиться с любовью, жалеть). В итоге мы получаем ряд понятий, исчерпывающих для нас содержание эмпатии на бурятском языке: ханаагаа зободог хүн (участливый человек), зондо анхаралтай хүн (чуткий, внимательный к людям человек), эльгэ нимгэн, эльгэ дулаан (чувствительный), эльгэ хайтай (мягкосердечный, жалостливый), эльгэ зүрхөө үбдэдэг хүн (сочувствующий), энэрхы сэдхэл (человеколюбие, гуманность, сострадательность). Как видим, эмпатические установки в наибольшей степени обоснованы как врожденные. Вместе с тем эмпатия не сводится только к естественному состоянию человека. Помимо этого, эмпатическое мировосприятие может быть благоприобретенным качеством, сформированным посредством культивирования социальных и моральных обязанностей. Именно в «искусстве находиться среди людей» (зоной дунда ороод байха) человек должен выработать и развить его. Разумность соотносят с трезвым (зорким) социальным умом («боро ухаан»), позволяющим правильно оценивать ситуацию и с успехом решать насущные жизненные вопросы. Истинное сочувствие предполагает глубокую и пронизательную мудрость и в то же время прощение, снисхождение, отсутствие предубеждений и желаний, стесняющих свободное принятие позиции другого человека. Это объясняет, почему существуют формулы «хайниень үргэжэ, муень даража» (возвышая хорошее, принижая плохое), «хамагы ойлгожо, бухые багтаажа» (букв.: «все понимать, все вместить», всякое провидеть, ни от чего/кого не отказываться). Отголоски таких отношений есть даже во внутренней форме слова, используемого в значении «человек»: сагаан амитан, сагаан хүн, сагаан зантай хүн, сагаан сэдхэлтэй хүн – букв.: «светлое существо», «светлый человек», «безобидный человек», «человек со светлой душой», то есть по самой сути своей добродушный, человек, способный понять, помочь, простить. В связи с этим естественно возникает вопрос: что подразумевают под термином «человечность» в обыденном сознании? Какой образ человечности признан правильным, идеальным? В обыденном сознании под человечностью подразумевают: во-первых, моральную идентичность, то есть сохранение человечности – «хүн шэнгээр байха», собственного лица – «нюураа алдаха үгы», достоинства и чести – «нэрэ хүндөө алдаха үгы»; во-вторых, нравственно акцентированную избирательность восприятий и отношений, благодаря чему расширяется область хорошего и, соответственно, сокращается область плохого; в-третьих, готовность и необходимость совершать определенные действия в интересах ближнего («хайрладаһаа хурэхэ» – выражать сочувствие, сострадание, сожаление, «элбэг гартай байха» – букв.: иметь щедрую руку, то есть оказывать материальную и финансовую помощь,

«туһа хүргэхэ» – оказывать посильную помощь, быть полезным). С такой точки зрения эмпатия во многом совпадает с человечностью, поскольку ее исходные послышки имеют более общий и фундаментальный характер.

Принцип взаимности как действенное и знаковое освоение природного ландшафта

Есть основание предположить, что парадоксальные, антиномичные формулировки, фиксации в обращении к природным комплексам и объектам – горам, рекам, степным долинам – также есть проявления эмпатического отношения. По убеждению бурят, предмет эмпатического отношения – сама природа, окружающий мир в своей гармонии и красоте. Циклическое (сезонное) кочевание для содержания скота, охватывающее огромные территории, позволяло избежать разрушения природных ландшафтов от слишком интенсивного использования. Именно такой тип хозяйствования, обладая своим экономическим и экологическим значением, обеспечивал устойчивое равновесие между численностью населения, поголовьем скота и площадью пастбищ. Помимо этого, мифологическое (космогоническое, тотемно-генеалогическое и т.д.) мировосприятие давало возможность осознать единство человека и природы как взаимообусловленных и взаимодополняющих частей Вселенной. Притом антропоморфизация природных объектов сопряжена с шаманизмом в его варианте синкретического сознания (анимизм, буддизм). Этнограф А. М. Сагалаев отмечает, что в обществах, «которые этнографы именуют традиционными, осознавалась необходимость иного отношения к окружающему миру – сочувствия любому его проявлению, жизни в унисон с Природой» [10, с. 65]. Ведь и сама природа дает глубокую и нежную любовь к жизни: «Алтан дэлхэйһээ абаралтай, үлгэн дайдаһаа үргэмжэтэй» (букв.: «Земля-матушка оберегает, земные просторы помогают»). Поэтому традиционная культура природопользования бурят на редкость эмпатична, и человек был исполнен веры в способность природы реагировать на его деятельность.

Социальные практики и модели эмпатического мышления и поведения

Исследователи справедливо отмечают, что эмпатия направлена не только на внешний, но и на внутренний мир индивидуального и коллективного субъекта. Тем более важно самым конкретным и точным образом проанализировать эти аспекты. Эмпатия понимается как самосопереживание, как модификация культурной самоорганизации и самореализации этносов, которая переживается как реакция (с оттенками сомнения и согласия) на перипетию их бытия в мире.

Этико-поведенческие кодексы представляют собой феномены, благодаря которым более или менее устойчивые культурные и социальные патриархальные конвенции еще прочнее закрепляют культурно-престижный статус мужчин и женщин. Уместно заметить, что и патриархальный порядок, царящий в бурятских семьях традиционного периода, исключал деспотическое управление семьей. Если речь идет о кодексе мужчины, в котором конституируются подобающие его облику такие нравственные и поведенческие требования, как личная отвага, верность долгу, приоритет общественных интересов над личными, готовность опекать беззащитного, сдержанность, то он давал человеку возможность мысленно упорядочить этот мир, обрести в нем себя и найти направление собственной активности. В бурятской традиции категории ответственности, активности, силы связываются с внутренней сферой «эмпатического сознания», а само мужество определяется как «эмпатический образ действий». Однако в бурятском мировоззрении доминирует как раз почитание женщин (и потому можно вспомнить о некогда свойственных женщинам правах, приравняющих их к статусу и полномочиям мужчин).

Одним из существенных проявлений культуры эмпатии было благожелательное отношение к детям. В комплексе детства можно обнаружить следы влияния шаманизма, который по-своему трактует эмпатическое миропонимание: дети, предпосланные родителям некими создателями (*Заяши* – от бур. *зая(н)* – судьба), становятся объектом их пристального, благоговейного внимания, в какой-то мере и ревностной защиты, особенно в возрасте до 8 лет [6, с. 190]. Притом, конечно же, не будет очевидным преувеличением квалифицировать бурятскую этнопедагогику как уникальную систему, многие из принципов которой имеют ярко выраженный эмпатический характер. Для бурятской этнопедагогики доминантным является бережное отношение к строю мысли и чувств ребенка. При всем антураже подчеркнуто сурового воспитания детей и эмоционально нейтрального к ним отношения, принципы народной педагогики бурят исключали их телесное наказание и даже жесткую форму устных назиданий. Замечания в случае необходимости делали без инвектив и поименных упреков, чаще в иносказательной форме. Даже в случае необходимости прямого укора его надлежало начать с похвалы: «А ведь отец твой – достойный человек» (Шинии абашни хүндэтэй хүн). Эти блестящие народной мудрости обладают общезначимым объективным содержанием, одинаково ценным для всех народов, и существуют поверх национальных различий [12, с. 9].

Сказанное выше дает основание, рассматривая детство в контексте эмпатии, считать, что концепция старшинства с ее культом старейшин имеет очевидное внутреннее тяготение к детству и всегда с ним соседствует. Однако система бурятского старшинства создает собственные модификации эмпатии. Приведем некоторые примеры подобных модификаций. Одним из них является традиция почитания родителей. Не случайно принцип сыновнего долга и уважения характеризуется в следующих выражениях: «*зөөлэн эдээн, зөөлэн унтари, зөөлэн үгэ*» (мягкая пища, мягкая постель, мягкое слово). В этой лаконичной формуле нашло отражение желание переложить на себя всю тяжесть забот о старших. Этим моментом и определялась линия отношения к старшим по возрасту по мере их физического старения: от уважения к сожалению о старческой немощи,

от почтительности к стремлению помогать и оберегать, от так называемой условной поддержки к безусловной обязанности не только защищать их интересы, но и подчинять их интересам свои. Для бурят традиция почтения родителей имеет высочайшее достоинство, содержащее зерно долгосрочной влиятельности: «*уйлын үрэ*» (кармическое воздаяние) (бур. *үрэ* – 1. плод, семя, зерно, 2. результат, следствие, продукт; бур. *үйлэ* – 1. дело, действие, поступок; 2. рел. деяние; 3. беда, несчастье; 4. математическое действие). На этом наблюдении строится утверждение о том, что соотношение родительского благодеяния и сыновнего поклонения рассматривается как общеэтическая закономерность: «Жаргалаа энэ наһандаа эдлэхэ» (Иметь счастье в этой жизни; родительское счастье – в благоденствии детей), «Эхэ эсэгын буянгаар ажаһуунаб» (Мое благоденствие – заслуга родителей). Вряд ли можно сомневаться в том, что большая доля возможности увеличения продолжительности жизни старших обусловлена определенной эмоциональной связью между членами семьи, психологическим комфортом, которым они окружены.

Для наиболее полного анализа эмпатических элементов бурятской этики можно привлечь к рассмотрению материал коммуникативной культуры. Об эмпатическом начале в речевых и неречевых стандартах и атрибутах общения уже писалось неоднократно. Хотелось бы обратить внимание на принцип эмпатии, пронизывающий благопожелания, наставления (*үрөөл*, *хургаалай үгэ*), приуроченные к типовым ситуациям взаимодействия. Оказалось, что как раз благодаря интенции эмпатии то или иное выражение обретает характер эффемизмов и коммуникативных запретов. К сожалению, многие из этих формул являются достоянием только старшего поколения бурят, в то время как младшие о них слабо информированы.

Потребность в сочувственном отношении со стороны других – одна из устойчивых и универсальных особенностей, присущих человеческой природе, и переживания, которые эти отношения демонстрируют, называются социальными ожиданиями. Они особенно очевидно проявляются в трактовке такого явления, как традиции взаимопомощи. В бурятской культуре существует множество выработанных веками форм поведения, благодаря которым можно преодолеть воздействие стрессогенных факторов. Отмечая присущую бурятскому этносу традицию взаимопомощи и поддержки в проведении жизненно важных событий, в ряду которых свадебные, похоронно-поминальные обряды, обряды, связанные с рождением ребенка, и т.д., нельзя не обратить внимания на масштабы взаимопомощи, что особо подчеркивается устойчивым выражением «олоной хүсөөр бүтэдэг» (букв.: осуществляется силами многих, с участием многих, сообща). Помощь сиротам и вдовам представлялась как норма, узаконенная на уровне общественного сознания: общественное осуждение и урон для чести семьи, рода были гарантированы тем, кто пренебрег ею [9, с. 355]. Преклонный и детский возраст в народном понимании характеризуется, в частности, особым положением в жизненном цикле человека и требованием надлежащего ухода, внимания и заботливого участия со стороны людей среднего возраста: «Наятай найматай хоер адли» (Восьмидесятилетний и восьмилетний похожи).

Идея благотворения и нравственная ориентация ума

Представляется вполне вероятным, что такое нравственное явление, как благодеяние, обладает положительной обратной связью, и это неудивительно, поскольку взамен потраченного времени, сил, средств человек приобретает нечто неизмеримо большее – сознание исполненного долга, душевное равновесие и спокойствие, самоуважение и уверенность в будущем, в избранном способе существования. Подобную мысль прекрасно отражает пословица: «Хүндэ туһа хэхэдэ, өөртэш туһа болохо» (Совершая доброе дело, оказываешь услугу себе самому), то есть спасаешь свою душу. Крайне важно при этом то, что этика, и в частности бурятская этика, обязывает совершать добрые дела, не рассчитывая на благодарность, – смысл такой социальной установки в том, что этим не перечеркивается нравственная ценность поступка.

Наилучшим выражением идеи, согласно которой доброта должна быть деятельной и бескорыстной, служит следующее назидание: «Хүндэ туһалһанаа марта, хүнөөр туһалуулһанаа бү марта» (Сделав добро, забудь о нем, но не забывай о помощи, оказанной тебе другими). Для подтверждения универсальности данной идеи можно использовать сходные примеры из адыгской этики: *Фы щ[эи] псым хэдзэ* – букв.: «Сделай добро (псапэ) и брось в воду» [2, с. 35].

Эмпатия в динамике конструирования социальной реальности

Риск игнорирования процесса деэмпатизации массового сознания высок тем, что он подрывает культурную идентичность нашего народа, важнейшей частью которой всегда была способность к состраданию. Отрицание такого процесса может только усилить угрозу личной и общественной безопасности, приобретающую все большие масштабы в эпоху преобразования социальных и правовых институтов. Так, Б. Х. Бгажноков в своей работе «Основания гуманистической этнологии» пишет о том, что идея права «реализуется через систему принципов и норм сочувственного, понимающего мышления и поведения. С полным на то основанием мы можем сказать, что все правовые положения и учреждения исторически развились на этой базе. К примеру, традиция взаимопомощи, занимавшая важное место в обычном праве всех народов, – ярко выраженный эмпатический социальный институт» [4, с. 88]. Существенная для жизни общества концепция социальной справедливости может служить выражением этико-юридической рационализации эмпатического мировосприятия, сочувствия и сострадания. Тем самым ослабление или утрата последних приводит к разрушению этого важнейшего регулятивного основания социальной жизни.

Заключение

Подводя итоги исследования в теме «культура эмпатии бурят как модель традиционной коммуникации и система гуманизации этноса», сделаем акцент на двух моментах – культура эмпатии является частью этнической традиции бурят и включена в процесс этнокультурной преемственности этого народа; чем больше ценность эмпатии в сфере повседневности, тем больше она будет поддерживать последующее развитие этноса. Исследование эмпатии становится анализом типов взаимоотношений, складывающихся в гендерных, возрастных коммуникативных оппозициях (социум) и проксемических, кинетических, вербальных и пр. стереотипов общения и поведения (культура) – в их многомерности и пересечении. Следование тщательно разработанным циклам эмпатического поведения, осознание преимущества общественного блага над личными переживаниями позволяли обеспечить созидательные тенденции в развитии этноса, и наоборот, серьезное отклонение от его принципов грозило деструктивными проявлениями в развитии этноса. В результате рассмотрения ряда элементов и комплексов бурятской культуры характерными чертами культуры эмпатии бурят, по-видимому, можно считать следующие:

- принцип взаимности во взаимодействии с природными объектами;
- наличие возрастных и гендерных привилегий и соответствие им поведенческих стандартов;
- традиции взаимопомощи;
- стремление использовать корректную, и даже гиперкорректную, грамматику;
- высокая ценность идеи благотворения и нравственной ориентации ума как механизмов спасения души и гармонизации отношений.

Всестороннее и тщательное исследование эмпатических норм и принципов, выявление связей и закономерностей существования кодексов и институций традиционной коммуникации, влияние этих моделей на современное общество могут стать весьма перспективными задачами бурятской гуманистической этнологии.

Список источников

1. Базаров Б. Д. Влияние «Великой Ясы» и буддизма на развитие обычного права бурят. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2001. 58 с.
2. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-фа, 1999. 96 с.
3. Бгажноков Б. Х. Культура эмпатии // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 55-68.
4. Бгажноков Б. Х. Основания гуманистической этнологии. М.: РУДН, 2003. 272 с.
5. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.
6. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.
7. Гаврилова Т. П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1975. Т. 21. № 2. С. 147-158.
8. Гальшиев Э. Х. Зерцало мудрости: памятник бурят. литературы начала XX в. / вступ. ст., подг. старомонгол. текста, рус. пер. и примеч. к нему Ц.-А. Дугар-Нимаева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2006. 352 с.
9. Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрһээ. Изд-е 2-е, испр. и доп. Улаан-Үдэ хото: Буряад-Монгол Ном, 2014. 464 с.
10. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, 1992. 176 с.
11. Тумунов Ж. Т. Этнопедагогика агинских бурят. Чита: Изд-во ЗГПУ, 1998. 162 с.
12. Хадикова А. Х. Культура эмпатии осетин: основные направления исследования // Известия СОИГСИ. 2014. № 12 (51). С. 3-12.

Информация об авторах | Author information

Анандаева Цындыма Цымпиловна¹, к. филос. н.
¹ Забайкальский государственный университет, г. Чита

Anandaeva Tsyndyma Tsympilovna¹, PhD
¹ Transbaikal State University, Chita

¹ anandaevats@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.01.2021; опубликовано (published): 15.03.2021.

Ключевые слова (keywords): бурятский этнос; культура эмпатии бурят; эмпатия; этика; этикет; Buryat ethnic group; the Buryats' culture of empathy; empathy; ethics; etiquette.